

товленного читателя и содержащее массу общеизвестных фактов. Воспроизводятся большие отрывки из переписки Николая II, часто по смыслу повторяющие друг друга, вызывающие у читателя чувство умиления, но мало что дающие для научного анализа заявленной темы. Строгая публикаторская дисциплина, характерная для авторов сборника, в этом разделе явно слабеет. Так, письма Александры Фёдоровны к мужу почему-то цитируются по книге О.А. Платонова «Терновый венец России» (с. 29–30). Апокрифическое заявление Александра III сыну по поводу его женитьбы воспроизводится без всякого анализа, со слов деятеля Белого движения и эмигранта С.Д. Познышева (1889–1980), явно не входившего в окружение последних императоров (с. 14). Присутствуют в данном разделе и опечатки, и досадные грамматические и смысловые ошибки. Так, протопресвитер И.Л. Янышев стал и «пресвитером» (с. 21), и даже «протопресвестером» (с. 19). Ряд материалов, процитированных во введении, без объяснений дублируется в комментариях (с. 319–321).

Некоторые указатели кажутся излишне подробными. Думается, вряд ли стоило специально разъяснять смысл слов «облава», «бенефис», «помолвка», выражение «посошок на дорожку».

Однако, несмотря на эти замечания, хотелось бы ещё раз подчеркнуть, что рецензируемое издание вносит важный вклад в изучение политической истории, духовной и культурной жизни России конца XIX – начала XX в. Информативность императорских дневников в сочетании с высоким качеством указателей, комментариев и иллюстративного материала, умение публикаторов выявить и искусно интерпретировать важные малоизвестные аспекты источников – всё это позволяет утверждать, что без обращения к данному изданию не обойдётся ни одно исследование, посвящённое последним десятилетиям Российской империи.

А.Ю. Полунов

Примечание

¹ Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 10.

P. Berton. Russo-Japanese Relations, 1905–1917: From Enemies to Allies. L., N.Y.: Routledge, 2012. 203 p.*

В последнее время предметом повышенного интереса историков стало сближение России и Японии после окончания Русско-японской войны 1904–1905 гг. и особенно в 1914–1917 гг., которые обоснованно именуют временем «исключительной дружбы» двух стран¹. Книга Питера Бертона, заслуженного профессора Школы международных отношений университета Южной Калифорнии (США), является не первым обращением этого авторитетного эксперта по делам Дальнего Востока к истории российско-японских контактов. Тем же вопросам была посвящена его докторская диссертация, защищённая в Колумбийском университете в далёком 1956 году, и ряд недавних публикаций².

Владея основными европейскими языками, включая русский, Бертон сво-

бодно ориентируется в разноязыких источниках, мемуарной и исследовательской литературе, посвящённой интересующей его проблематике, демонстрирует широкую эрудицию в событийной стороне вопроса. Особенно ценно глубокое знание им истории Японии, её культуры и языка, которые он начал изучать ещё в середине 1940-х гг. в бытность работником штаба генерала Д. Макатура и продолжил в начале 1950-х гг., став одним из трёх аспирантов Колумбийского университета, которых МИД Японии допустил к работе с ранее недоступными для исследователей документами своего архива. Это даёт ему возможность привлекать библиографически редкие издания воспоминаний, сборники статей и многотомные биографии, составленные ближайшими соратниками

* **Бертон П.** Русско-японские отношения, 1905–1917: от вражды к союзу. Лондон; Нью-Йорк: Рутледж, 2012. 203 с.

и сотрудниками ключевых участников русско-японского взаимодействия начала XX в.: премьер-министров Кацура Таро и Окума Сигэнобу, министров иностранных дел Като Такааки и Исии Кикудзиро, военных и государственных деятелей Ямагата Аритомо и Тэраути Масатакэ. Ещё более редким для историка источником выступают тексты интервью, которые Бертону удалось взять у полудюжины крупных японских дипломатов, современников Первой мировой войны. Сложившийся в результате документальный комплекс призван компенсировать потери архива японского МИД, понесённые им на излёте Второй мировой войны. Американский исследователь основательно знаком и с сохранившимися архивными материалами Страны восходящего солнца, включая частные документальные собрания «государственных старейшин» (членов гэнро) Иноуэ Каору и Макино Нобуаки, того же премьера С. Окума. Необычайно широко для избранной им темы Бертон использует источники всех видов британского, французского и американского происхождения, включая документы Государственного департамента США.

Хотя и в меньшей степени, автор книги опирается также на документы личного происхождения российских участников и современников интересующих его событий (дипломатов А.П. Извольского, С.Д. Сазонова, Г.А. Козакова), учитывает труды отечественных историков, особенно обобщающие – В.С. Васюкова, С.С. Григорьевича, В.А. Емеца, А.В. Игнатьева. Как отмечено в российской историографии, делопроизводственная документация российского внешнеполитического ведомства, освещающая взаимоотношения с Японией во время Первой мировой войны, остаётся изученной в весьма незначительной степени³, и работа П. Бертона не составляет здесь исключения. Как и его предшественники⁴, он привлекает преимущественно ту её часть, которая была опубликована в 1920–1930-е гг. в журнале «Красный архив» и в многотомном издании «Международные отношения в эпоху империализма» (Сер. 3. 1914–1917. Т. 6–10. М.; Л., 1935–1938). В списке используемых им неопубликованных документов Архива внешней

политики Российской империи лишь два десятка дел, отобранных без всякой системы в фондах «Канцелярия министра» (ф. 133), «Японский стол» (ф. 150), «Трактаты» (ф. 163) и ряде других. Хотя военные обеих стран были напрямую вовлечены в русско-японские межгосударственные контакты, материалы Российского государственного военно-исторического архива и Российского государственного архива военно-морского флота американский ученый не привлекает вовсе. В результате сотни документов российских и японских дипломатических и военных ведомств первостепенной важности остались ему неизвестными, что неизбежно обедняет его труд. Основываясь на упомянутой многотомной архивной публикации 1930-х гг., Бертон, например, полагает, что в России были знакомы с донесениями в Токио только Утида (посла в Стокгольме, а затем в Петрограде), тогда как в действительности в российском МИД с первых дней войны успешно читали секретную корреспонденцию и предшественника Утида в России, и японских военных атташе, и некоторых их коллег в Западной Европе (самый ранний из сохранившихся документов такого рода – телеграмма посла И. Мотоно министру иностранных дел Т. Като – датирован 10 августа 1914 г.). Расшифрованные и переведённые на русский язык депеши японских дипломатов составляют несколько самостоятельных дел в АВПР И; многие имеют отметку об их прочтении Николаем II.

В заголовок книги американского историка вынесен период между окончанием Русско-японской войны и приходом к власти большевиков, однако русско-японским отношениям 1905–1914 гг. в ней посвящено лишь несколько обзорных страниц. Тексты важнейших международных договоров и конвенций, заключённых Японией в 1907–1916 гг., Бертон публикует в приложениях к своей книге. В фокусе авторского внимания – русско-японский союзный договор лета 1916 г.: его истоки, содержание, причины заключения, цели и ожидания сторон, международные последствия. «Большая часть этого исследования, – справедливо замечает его автор, – в деталях анализирует взаимодействие политических сил Японии, документы петроградских пере-

говоров между Россией и Японией, приведших к заключению договоров, а также их взаимоотношения с Великобританией, Францией, Китаем и США» (с. XI). Анализ настроений японских правящих сфер приводит Бертона к заключению, что в общеполитическом плане на сближение с Россией членов гэнро толкало стремление избежать послевоенной изоляции своей страны путём раскола неизбежного, как им казалось, антияпонского альянса «белых» держав, то есть по сути – опасения десятилетней давности, времён Русско-японской войны. Их пророссийский курс наталкивался на сдержанность другого «властного центра» в лице токийского кабинета и особенно МИД, но в 1915–1916 гг. именно «старейшины» сумели взять верх. Для Петрограда главным стимулом к сближению с Токио в годы войны стала заинтересованность в расширении японских военных поставок. Наиболее энергичным сторонником такого курса здесь выступало как раз внешнеполитическое ведомство. Вместе с тем, по мнению Бертона, Сазонов предпочитал двустороннему русско-японскому договору присоединение России к англо-японскому союзу, видя в такой комбинации вернейший способ укрепить долговременные отношения с Великобританией. Со своей стороны, Форин офис, разрываясь между стремлением заполучить максимальную помощь Японии в войне с Германией и страхом долговременных последствий ослабления своих позиций на Дальнем Востоке, был склонен отложить заключение подобных договорённостей до конца войны.

Вопреки имевшему и тогда, и сегодня широкое хождение мнению о том, что главной «мишенью» союза 1916 г. были китайские притязания США и отчасти Великобритании⁵, Бертон подчёркивает антигерманскую направленность его секретных статей: «С точки зрения ближайших целей Японии и России, их договор как антигерманская мера, по существу, отражал их обоюдный страх и перед самой Германией, и перед возможностью объединения с ней одной из стран-подписантов против другой» (с. 89). В то же время сам факт появления такого изначально оборонительного союза, отмечает американский историк, «косвенно усилил позицию Япо-

нии визави с Соединёнными Штатами» и привёл к ухудшению отношений Вашингтона и Токио. Что касается перспектив для стран-союзниц, то крах старой России уже в 1917 г. аннулировал возможности долговременного практического применения этого документа, хотя и показал принципиальную возможность «слияния национальных интересов двух стран».

Не исчерпывая темы русско-японских отношений начала XX в., новая работа П. Бертона вносит весомый вклад в её дальнейшее изучение.

Д.Б. Павлов

Примечания

¹ См.: Иконникова Т.Я. Очерки истории взаимоотношений России и Японии в конце XIX в. – 1917 г. Хабаровск, 2001; Saveliev I.R., Pestushko Yu.S. Dangerous Rapprochement: Russia and Japan in the First World War, 1914–1916 // Acta Slavica Iaponica. 2001. Vol. 18. P. 9–41; Шулатов Я.А. На пути к сотрудничеству: российско-японские отношения в 1905–1914 гг. Хабаровск; М., 2008; Baryshev E. The General Hermonius Mission to Japan (August 1914 – March 1915) and the Issue of Armaments Supply in Russo-Japanese Relations during the First World War // Acta Slavica Iaponica. 2011. Vol. 30. P. 21–42, а также научно-популярные произведения: Молодяков В.Э. Россия и Япония: поверх барьеров. Неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1899–1929). М., 2005; он же. Россия и Япония: Золотой век (1905–1916). М., 2008.

² Berton P. The Japanese-Russian Territorial Dilemma: Historical Background, Disputes, Issues, Questions, Solution Scenarios. Cambridge, Mass., 1992; *idem*. A New Russo-Japanese Alliance? Diplomacy in the Far East during World War I // Acta Slavica Iaponica. 1993. Vol. 11. P. 57–78; и др.

³ Пестушко Ю.С. Российско-японские отношения в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). Хабаровск, 2008. С. 25.

⁴ См., например: Smith C.J. The Russian Struggle for Power, 1914–1917. A Study of Russian Foreign Policy During the First World War. N.Y., 1956.

⁵ В декабре 1917 г. советские «Известия» опубликовали текст русско-японского договора под ещё более фантастической шапкой: «О чём договаривались царская Россия с Японией. Тайное соглашение между Россией и Японией, имеющее в виду вооружённое выступление сообща против Америки и Англии на Дальнем Востоке ранее лета 1921 года» (Известия ЦИК и Петросовета. 1917. 6 декабря. № 244. С. 15).